

УДК 801.731

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-14-23>

Вещественная (материальная) культура как конструкция и функциональная органопроекция

И. И. Докучаев^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Докучаев, И. И.
(2021) Вещественная
(материальная) культура как
конструкция и функциональная
органопроекция. *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 3, № 1, с. 14–23.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-14-23>

Получена 25 мая 2020; прошла
рецензирование 25 января 2021;
принята 25 января 2021.

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье определяется специфика вещей как типа артефактов культуры и структура этого типа. Показано, что категория вещи и вещественного предпочтительнее для определения соответствующего типа артефактов, чем категория материального, потому что эта последняя намного шире по своему объему, чем тот регион сущего, о котором идет речь. Вещь рассмотрена как результат практического конструирования мира, выражающегося в преобразовании природы в культуру. Конструирование это осуществляется на основании двух типов порождающих моделей — ценностной и утилитарной. И та, и другая модели направлены на создание приемлемого для человека мира, но по-разному. Ценностная модель связывает преобразованный мир со смыслом жизни человека; утилитарная модель адаптирует мир к объективным и специфическим требованиям человека, позволяющим ему в этом мире существовать, вместе с тем и человек адаптируется к объективным условиям мира, в котором он начинает жить. В различные эпохи культуры роль ценностной модели то возрастает, то снижается, но никогда не исчезает полностью; утилитарная модель для производства вещественной культуры всегда играет ключевую роль. Показано, что вещественная культура существует в форме средства для решения тех или иных задач, стоящих перед человеком и поставленных им. Это обстоятельство относит вещественную культуру к типу, который определен как культура средств и противопоставлен культуре целей, к каковой относятся, прежде всего, ценности. Морфология вещественной культуры построена на основании функционального понимания ее органопроективной природы. Категория органопроекции определяется как совокупность средств повышения эффективности действия того или иного органа человеческого тела. Природа связи органа тела и вещественного инструмента рассматривается как функциональная зависимость второго от первого. Выделено шесть ключевых функций: доступа к окружающему миру, поверхностной трансформации окружающего мира, глубинной трансформации окружающего мира, защиты от окружающего мира, восполнения энергозатрат и восстановления человеческого тела, репродукции. Каждая функция исследована как специфика того или иного типа артефактов вещественной культуры: коммуникативной техники и транспорта, ландшафта и доместикатов, утвари и орудий труда, костюма, жилища и оружия, рациона питания и лекарств.

Ключевые слова: материальная культура, вещи, ценности, польза, функции, цели, средства, органопроекция, конструкция.

Material culture as a design and functional organoprojection

I. I. Dokuchaev✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Dokuchaev, I. I.
(2021) Material culture as a design and functional organoprojection. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 14–23. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-14-23>

Received 25 May 2020;
reviewed 25 January 2021;
accepted 25 January 2021.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. The article defines the specifics and structure of things as a type of cultural artefacts. The author considers the thing to be the result of the practical construction of the world, where construction is expressed as the transformation of nature into culture. The construction in question is carried out on the basis of two generative models — the value model and the utilitarian one. Both models are aimed at creating a world acceptable to humans, but do it in different ways. The value model connects the transformed world with the meaning of human life. The utilitarian model, in contrast, adapts the world to the objective and specific requirements of a person so that to allow him to exist in this world, while a person himself adapts to the objective conditions of the world in which he begins to live. The role of the value model varies in different time periods but never ceases to exist. The utilitarian model, however, always has the primary importance. It is shown that material culture exists in the form of a means for solving certain tasks facing a person and posed by him. The morphology of material culture is based on a functional understanding of its organoprojective nature. The category of organoprojection is defined as the totality of means for increasing the effectiveness of an organ of the human body. The nature of the connection between a body organ and a material instrument is considered as the functional dependence of the latter on the former. The article identifies six key functions of organoprojection: access to the world, surface transformation of the world, deep transformation of the world, protection from the world, replenishment of energy and restoration of the human body, and reproduction. Each function has been studied as the specifics of one or another type of artefacts of material culture: communicative technology and transport, landscape and domestics, utensils and implements, costume, housing and weapons, diet and medicines.

Keywords: material culture, things, values, benefits, functions, goals, means, organoprojection, design.

1

Под вещественной культурой я понимаю совокупность искусственно созданных объектов, главная функция которых сугубо утилитарна. Речь идет о созданных из природных материалов путем их поверхностной или глубинной модификации вещей, приобретающих в ее результате новую сущность, смысл которой заключается в том, чтобы решать ту или иную проблему, которую без этих вещей решить было бы сложнее или вовсе невозможно. Термин «вещественная культура» гораздо лучше выражает смысл ее сущности, поскольку указывает на такие главные ее аспекты, как искусственность и утилитарность. Однако зачастую для обозначения этого типа культуры используется термин «материальная». Он откровенно неудачен, поскольку материальность характерна не только для вещей, но и для любых других артефактов. Так, материей обладает и любая духовная культура, ибо без материи ее артефакты не могли бы быть частью социальных коммуникаций, то есть не

могли бы существовать как формы культуры. Материя выступает для большинства артефактов духовной культуры всего лишь планом выражения, искусственно связанным с соответствующим содержанием, будь то ценностная ориентация или теоретическое описание мира. Но иногда она играет существенную роль в формировании этого содержания, как это происходит в произведениях искусства. Материальной культурой можно называть не только мир созданных человеком вещей, но также и человеческую телесность, и даже фактичность социальных институтов, то есть воплощенную в практике взаимодействия конкретных лиц и сообществ норму и структуру этой активности. Поэтому в дальнейшем я не буду употреблять термин «материальная культура», ибо его объем гораздо больше той предметной области, которая является целью настоящего рассуждения.

Вместе с тем о материальности необходимо высказаться и в данном случае. Дело в том, что важнейшим свойством вещественной культуры является ее утилитаризм. Речь идет о такой

характеристике вещи, как ее существование в форме средства решения многочисленных задач преобразования окружающего человека мира в приемлемый для него. Естественный мир неприемлем по ряду причин. Его климат может затруднять жизнь человека, поскольку осадки, низкая или слишком высокая температура, отсутствие воды, угроза болезни, голода, конкуренция с другими претендентами на обитание в данном месте — все это необходимо так или иначе исключить для того, чтобы обеспечить устраивающую человека среду обитания. Приемлемость мира измеряется не только объективными удобствами — в истории культуры всегда объективный характер выбора того или удобного изменения мира сопровождался ценностными требованиями, которые имели даже большее значение, чем практические преимущества. Однако, как далеко ни заходили бы ценностные ограничения и предписания, они не могли не учитывать утилитарных соображений, если речь шла о том, чтобы модифицировать мир в приемлемую экзистенциальную среду. А это означало то, что любая модификация мира могла быть успешной только в результате учета соответствующих материальных условий. Утилитаризм в данном случае никогда не переставал играть ключевую роль. Можно сказать, что в эпоху традиционных культур утилитаризм вещественной культуры существенно определялся со стороны ценностных моделей, которые лежали в основе производства артефактов настолько же глубоко, насколько и утилитарные, однако в эпоху креативной культуры утилитаризм существенно опередил, хотя и не мог полностью уничтожить влияние ценностей на вещи.

Еще одно соображение о характере утилитаризма вещественной культуры связано с тем, что утилитарной может быть не только материальная культура. Ценностные ориентации и научные теории также могут иметь утилитарный смысл. Однако здесь мы сталкиваемся с несколько иным смыслом утилитарного. Утилитарность ценностей так же, как и утилитарность вещей, связана с их ориентацией на задачи субъекта, однако в отличие от утилитарности вещей она связана преимущественно с их ценностной субъективной стороной. Практическая объективная сторона принимается во внимание значительно меньше, ровно настолько, насколько материальный мир не может быть проигнорирован даже тогда, когда ценности вступают с ним в радикальное противоречие. Иначе говоря, утилитаризм ценностей связан с идеальным миром, а утилитаризм вещей — с материальным. Ценность есть почти ни от чего

не зависимый идеал, а вещь почти полностью зависит от объективного положения дел. Именно поэтому мы говорим, что вещь полезна, а не ценна. Ибо польза — частный случай истины. Это истина, взятая в отношении ее применимости к нуждам человека. Поэтому мы можем говорить о ее утилитарности. Научная теория сама по себе не может быть утилитарной, но какие-то ее следствия имеют практическое значение, то есть используются на благо человека, либо непосредственно, либо в форме предостережения его от того или иного вреда. Истина в части ее практической значимости для человека становится пользой, которая не менее объективна, чем истина, хотя и ориентирована на субъективные нужды. Ценность же почти не имеет объективного измерения, она формируется в процессе сложных исторических изменений, в которых фантастические идеалы тех или иных субъектов играют гораздо большую роль, чем объективные возможности их воплощения. Итак, я различаю субъективный утилитаризм ценностей и объективный утилитаризм вещей и теорий; в последнем случае утилитаризм различается на материальный и духовный. Духовный утилитаризм — просто функция, или форма применения истины, материальный утилитаризм — совокупность полезных свойств той или иной модификации материи для нужд человека. Таким образом, вещественная культура является материальной по своему источнику бытия и утилитарной — по своему смысловому содержанию. Она представляет собой практическую конструкцию, то есть в ее основе лежит материальная модификация природы, а не ее духовное удвоение в форме теории или идеала.

Ценность, искусство, человек с его сознанием и телом чаще всего выступают такими артефактами, которым присуще бытие в форме цели, тогда как научная теория, вещь и социальный институт существуют в форме средства для достижения цели. Мы знаем культуры, в которых человек является средством, а социальный институт — целью, знаем культуры, в которых научная теория получает целевой смысл, а искусство — смысл средства, но такие культуры встречаются в прошлом (в эпоху традиционных культур) и очень редко сегодня (в эпоху креативных культур; правда, наука оказалась целью тоже в креативной культуре, но только в некоторых из ее исторических разновидностей — в эпоху Возрождения, Просвещения и отчасти позитивизма, которые тоже уже в прошлом). Еще Аристотель в «Никомаховой этике» очень точно и эвристически перспективно различал факты природы и артефакты, указывая на то,

что сущность первых выражается в понятии, которому мы даем определение, задавая вопрос «Что это?»; сущность вторых выражается в понятии, которому мы даем определение, задавая вопросы «Для чего это?» и «Ради чего это?» (Аристотель 1983). То есть сущность природы в том, чтобы существовать безотносительно к чьей-либо выгоде, и, следовательно, знание о ней выражается в форме нейтрального описания, устанавливающего свойства и их связи; тогда как сущность культуры в том, чтобы существовать в системе целей человека и средств для их достижения, а знание о ней выражается в форме сети функций. Природа имеет свойства, а культура — функции. Однако функции бывают различными, они могут выступать как целевые и как инструментальные. Целевая функция артефакта заключается в том, что артефакт оказывается частью деятельности человека, направленной на то, чтобы этот артефакт стал ее целью, она осуществляется ради него и состоит в понимании и любовании им. Инструментальная функция артефакта заключается в том, что артефакт становится средством для достижения цели, внешней по отношению к нему. Вещественная культура, о которой идет здесь речь, всегда (вне зависимости от того, говорим мы о традиционной или о креативной культуре) являлась средством для достижения внешней по отношению к артефактам цели (а ценности, в свою очередь, всегда являлись целями, для достижения которых создавались те или иные артефакты, выполнявшие функции средства). Артефакты вещественной культуры обладали сущностью, понятие которой определялось инструментальной функцией, выражавшей специфику той или иной вещи как способа решения той или иной проблемы. Таким образом, для того, чтобы понять строение и смысл вещественной культуры, необходимо разобраться в том, для решения каких проблем эта культура создавалась и как она функционировала.

Теперь можно подойти к важнейшему свойству вещественной культуры — ее органопроективному характеру. Именно органопроективный характер вещественной культуры дает ответ на вопрос о том, какими функциями обладает тот или иной ее артефакт и в качестве какого инструмента для достижения той или иной цели он выступает. Термин «органопроекция» не является новым. Он связан с именами Э. Каппа и П. А. Флоренского. В 1877 году Эрнст Капп опубликовал работу под названием «Основные направления философии техники. К истории возникновения культуры с новой точки зрения» (Капп, Кунов, Нуаре, Эспинас 1925).

В этой работе Э. Капп определил всю технику как последовательную проекцию органов человеческого тела. Так понимаемое отношение между органом (орудием) тела человека и орудием (органом) техники представляется чересчур буквально реализованной метафорой. Далеко не все свойства того или иного артефакта техники объясняются свойствами соответствующего органа тела. Даже те свойства, которые можно объяснить подобным образом, возникли не потому, что их носители обладали таким сходством. Так, сходство чашки и сложенных ладоней не объясняет возникновение ее формы. П. А. Флоренский в работе «Органопроекция», созданной в 1919 году, существенно уточняет смысл понятия, вынесенного в ее название (Флоренский 1999). Главное в проекции органа тела в орган техники не их полное сходство, а только функциональное. Техника позволяет реализовать органу тела ту или иную задачу. Без техники эта задача не могла бы быть решена или ее решение не имело бы той эффективности, которую можно получить с помощью того или иного артефакта. Из многочисленных и очень интересных идей, высказанных П. А. Флоренским в этой связи, — таких как концепция происхождения техники в результате грехопадения, заставившего человека воссоздавать потерянный рай собственным трудом, или концепция техники как развития подобия микрокосма (человека) и макрокосма (природы), — именно идея функциональной сути органопроекции представляется наиболее актуальной для понимания конструкционного характера вещественной культуры. Эта идея не требует допущения веры в Бога или понимания особой роли человека в космосе, она просто позволяет взглянуть на ключевые свойства вещей как на единство, обусловленное системой функций человеческого тела.

Именно функции человеческого тела чрезвычайно важны для понимания вещей как артефактов, проектирующих органы за их пределы во внешний мир. В этой связи важно построить системно обоснованную морфологию таких функций. Первое, на что необходимо указать, — тот факт, что человеческое тело сложно отличить от человеческого сознания. Поэтому функции тела и сознания либо полностью совпадают, либо существенно пересекаются. Однако тело выступает своего рода внешней границей сознания, тело оказывается переходной сферой между сознанием и миром, обладающей свойствами живого и мертвого, подконтрольного воле и инертного. Если сознание — вся совокупность опыта человека,

включая эмоционально-волевую, чувственную и рациональную сферу, а также центр этого опыта, то тело выступает как часть этого опыта, ответственная за такое его содержание, которое связано с доступом к внешнему миру, к фиксации содержания этого мира и к формам его модификации, включающим как существенное изменение внешнего мира, так и поверхностное изменение, связанное с отношением (положением) тела к тому или иному состоянию внешнего мира. Таким образом, можно говорить о трех ключевых функциях органов тела и соответствующих им трех ключевых функциях орудий вещественной культуры: доступе, поверхностной и глубинной трансформации. Однако помимо функций тела, связанных с обеспечением деятельности сознания, тело выполняет и ряд функций, связанных с обеспечением собственной деятельности. Речь идет о функции восполнения энергозатрат (включая восстановление после травм и болезней), репродуктивной функции, функции самозащиты. Таким образом, к трем уже выявленным функциям добавляется еще три. Наконец, можно говорить о том, что вся вещественная культура, представляющая собой результат глубинной трансформации, может быть разделена на два комплекса — инструменты и доместикаты, то есть на средства трансформации (орудия труда) и их результаты (модифицированную природу, включающую домашних животных, растительные культуры и обработанные ландшафты). Список функций, которые были выделены, может показаться избыточным, поскольку функции самозащиты и восполнения энергозатрат направлены на то же, на что направлены и функции глубинной трансформации внешнего мира; это же предложение можно высказать и в связи с функцией доступа к внешнему миру. Однако сходство (ни в коем случае не являющееся тождеством) функций, на мой взгляд, не предполагает тождества соответствующей вещественной культуры, поэтому в качестве исходной гипотезы предлагаемая морфология функций может быть рассмотрена и выдерживает критику, по крайней мере, вплоть до того, как будет разработана более точная концепция.

2

Рассмотрим теперь каждую функцию и соответствующую вещественную культуру. Вот их итоговый список.

- 1) Функция доступа к внешнему миру. Коммуникационная техника и транспорт.

- 2) Функция поверхностной трансформации внешнего мира. Ландшафты и доместикаты.
- 3) Функция глубинной трансформации внешнего мира. Утварь и орудия труда.
- 4) Функция самозащиты. Костюм, оружие и жилище.
- 5) Функция восполнения энергозатрат и восстановления. Рационы питания и лекарства.
- 6) Функция репродукции.

Обращает на себя внимание тот факт, что функция репродукции не требует почти никакой вещественной культуры. Телу нет никакой необходимости в дополнительных посредниках, обеспечивающих эффективность соответствующей функции. Подобная техника создавалась и продолжает создаваться с рекреативными и медицинскими целями, однако она факультативна, и ее отсутствие никак не сказывается на существовании вещественной культуры той или иной страны в ту или иную эпоху. Наличие подобной техники может говорить о некоторых характеристиках культуры, и даже отсутствие — показательное свойство, однако факультативность репродуктивной вещественной культуры всегда будет свидетельствовать в пользу того, что анализ подобного рода свойств и характеристик не является решающим для понимания культуры в целом. Вместе с тем репродуктивная культура является важнейшей частью других сфер культуры — прежде всего социальной и антропной. Необходимо, однако, заметить, что в эпоху традиционной культуры, и особенно архаической, возникали те или иные органо-проективные артефакты, призванные обеспечить функцию репродукции человека, но они обладали исключительно ценностными смыслами, тогда как в эпоху креативной культуры такие смыслы стали во многом определяться медицинскими и эстетическими соображениями (хотя ценностные характеристики, конечно, тоже не могли исчезнуть и не исчезли полностью). Рассмотрим теперь функции и типы артефактов, которые более характерны для вещественной культуры и поэтому более распространены.

Функция доступа к внешнему миру. Это функции органов чувств и опорно-двигательной системы человеческого тела. Они связывают человека и окружающий его мир в зависимости от того, становится ли мир результатом активного действия человека по изменению позиции его тела в отношении с миром или мир пассивно регистрируется органами чувств. Безусловно, одно невозможно без другого; с одной сто-

роны, никакое перемещение в пространстве или манипуляция с предметами не может не сопровождаться их восприятием, но и с другой стороны, ни одно восприятие не может быть осуществлено без изменения состояния человеческого тела. Даже когда идет речь о том, что кто-то только слышит мелодию или рассматривает цветное пятно, несколько не двигаясь сам и не перемещая какой-либо орган своего тела, регистрация потока чувственных данных в его непрерывно длящемся содержании невозможна без изменения регистрирующего этот поток состояния органа чувств. Это совершенно очевидно относительно глаза, траектория движения которого может быть зафиксирована, и по характеру этого движения современный исследователь может реконструировать воспринимаемый с помощью этого глаза образ. Но и регистрация звука требует изменения состояний соответствующего органа. Тем не менее можно утверждать, что для понимания принципов конструирования вещественной культуры различение активного движения тела посредством опорно-двигательной системы его органов и пассивной регистрации посредством органов чувств имеет ключевое значение.

Первая форма функции доступа к окружающему миру, а именно связь с ним посредством регистрации его содержания органами чувств, реализуется в такой части вещественной культуры, как коммуникативные средства. Речь идет об акустических и оптических приборах, которые позволяют передавать или принимать соответствующие образы. Коммуникативный характер подобной передачи связан как раз с этим различием. Принимающие приборы — это очки, телескопы, наушники, усилители звука и т. п. Передающие приборы — это проекторы, усилители звука, громкоговорители и т. п. Коммуникативные системы могут включать обе эти формы — они обеспечивают не только передачу и прием образов и сигналов, но и связь между адресатом их и адресантом. Речь идет о телефонной связи и о видеосвязи, а также о комплексной связи, включающей передачу как аудио-, так и видеообразов. В истории культуры развитие коммуникативной техники начиналось с элементарных устройств, основанных на использовании открытого огня и производстве шума, и достигло современных электронно-вычислительных машин, обеспечивающих благодаря глобальной сети Интернет фактически удвоение культуры в виртуальной реальности и породивших новый культурно-исторический тип, который можно назвать сетевым. Интерес-

но, что коммуникативная техника в силу ее примитивности на первых этапах истории культуры конструировалась с минимальным учетом ценностных моделей, но они и в этом случае играли свою роль интегралов, определяя единство ценностных моделей, на основании которых создавались те или иные типы артефактов.

Вторая форма функции доступа к окружающему миру, а именно связь с ним посредством перемещений всего человеческого тела или манипуляций, реализуется в такой части вещественной культуры, как транспорт. Транспорт — не самый древний тип артефактов вещественной культуры, однако он относится к числу важнейших достижений человечества в этой сфере. Аксиологические модели играли в его конструировании чрезвычайно важную роль. Транспорт воспринимался как один из существеннейших атрибутов различных божеств, включавшихся в политеистический пантеон земледельцев и являвшихся племенными богами монотеистической мистики скотоводов-кочевников. Транспорт в эпоху традиционных культур был своеобразным орудием труда domesticiрованных животных, составляя с ними одно неразрывное целое, в котором животное выполняло функцию двигателя, а транспортное средство — функцию временного жилища человека движимого характера. В некоторых случаях это было даже постоянное жилище. Транспорт играл роль социального стратификатора как в древности, так и сегодня, ибо он относился к числу дефицитных артефактов вещественной культуры, а также был связан с необходимостью профессиональной подготовки, которая позволяла его использовать. Именно транспорт обеспечил формирование каналов межкультурной коммуникации и различные культурные диффузии, которые в конечном итоге привели к современной глобализации и стандартизации культуры на основе ее креативной версии западноевропейского происхождения.

Функция поверхностной трансформации внешнего мира. Поверхностной я называю такую трансформацию природы, которая не предполагает изменения сущности ее компонентов, превращая их в материалы. Речь идет только о коррекции этой сущности, ее модификации, связанной с появлением новых качеств, обеспечивающих тем или иным природным явлениям функции, производные от ценностных или утилитарных моделей приемлемого для человека мира. Э. С. Маркарян говорил о том, что всякая культура связана с двумя ключевыми функциями и выступает в форме двух важнейших модификаций — адаптаций человека к природе

и адаптаций природы к человеку (Маркарян 2014). Если адаптации человека являются культурой его сознания и тела, то адаптации природы связаны с формированием приемлемого ландшафта жизни человека и с доместикацией растений и животных путем их селекции и прямого вмешательства в геном или морфологию.

Древнейшей формой такой функции является культурный ландшафт. Речь идет о модификации природного пространства в форме вырубки леса, осушения болота, перегораживания реки, отгораживания участка, строительстве мостов и дорог, городов и поселков. Уже первые формы традиционной культуры не могли обойтись без создания культурных ландшафтов. Простая ночевка в лесу или в пещере требовала обеспечения безопасности и комфорта, даже наименьший уровень которого был связан с избавлением от угроз со стороны животных и с расчисткой пространства от мешающих расположению людей растений и загромождающих его элементов неорганической природы. В эпоху традиционных культур такой ландшафт имел ценностные границы и структуру, утилитарные свойства модификаций были в самой тесной зависимости от ценностных. Сегодня ценностная структура ландшафта настолько же определяется ее утилитарными свойствами, насколько и сама определяет их. Социально-стратификационные и эстетические характеристики ландшафта, в свою очередь, могут оказываться в большей или меньшей зависимости от ценностных и утилитарных моделей вещественной культуры.

Доместикаты — то есть выведенные в результате селекции, гибридизации или генной инженерии растения и животные — явления более позднего периода развития культуры, то есть периода, связанного с возникновением производящего хозяйства, а именно земледелия и скотоводства. Их возникновение, то есть появление еще одной наряду с ландшафтами формы поверхностной модификации природы, как указывал Г. В. Чайлд, является важнейшей составляющей неолитической революции, которая привела к появлению классов, ремесла, торговли, городов, государств, письменности, мистической религии политеистического или монотеистического типа (Чайлд 2012). Ценностные модели могли существенно определять утилитарные модели доместикации в эпоху традиционных культур; в эпоху креативной культуры ценностные модели связаны прежде всего с различными формами превращения утилитарных моделей в смыслы жизни, такие как потребление, или наоборот —

разумное ограничение или экологически ответственное поведение.

Функция глубинной трансформации внешнего мира. Утварь и орудия труда представляют собой результаты глубинной трансформации внешнего мира, поскольку они изготовлены из природных материалов, модифицированных настолько, что их связь с природой остается значимой настолько, насколько качества этих материалов позволяют реализовать совершенно новую функцию, заместившую собой прежнюю сущность того или иного явления природы. Эта функция обеспечивает успешность поверхностной и глубинной модификации внешнего мира в соответствии с ценностными и утилитарными моделями приемлемой среды жизни человека. С помощью орудий труда, во-первых, изготавливаются как утварь, так и сами орудия труда, а во-вторых, осуществляется процесс изменения ландшафта и доместикации животных и растений. С помощью утвари же создается тот искусственный мир вещественной культуры, который человек признает как приемлемый для осуществления собственной жизни.

Невооруженным органам человеческого тела, прежде всего рукам, совершенно невозможно было бы справиться с тем объемом задач, который связан с реализацией ценностных и утилитарных моделей приемлемого мира. Орудия труда являются в первую очередь функциональной органопроекцией рук. Рука всегда имела существенное значение для всей деятельности человека, и поэтому вещественная культура создавалась во многом для того, чтобы обеспечить ручной труд средствами наиболее эффективного решения стоящих перед ним задач. В эпоху традиционных культур любое орудие труда играло как утилитарную, так и ценностную роль, зачастую магического характера. Эффективность использования орудия могла обеспечиваться и мистическими ритуалами, жертвоприношениями и молитвами. Орудие труда оказывалось инструментом активного вторжения в окружающий человека мир, и требовалось оправдание этого вторжения, ибо мир воспринимался как духовно-телесный аналог человеческой природы, контролируемый духами или верховным божеством. Современные орудия труда, ставшие частью промышленного производства, только на первый взгляд далеки от ценностного осмысления; оно продолжает лежать в основе их конструирования, обеспечивая потребительскую версию ключевых моделей формирования культуры и соответствующего смысла жизни массовых или эксклюзивных потребителей.

Утварь, заполняющая обжитое пространство человека, не ограничивается функцией инструмента труда. Она обеспечивает осуществление почти всех функций артефактов вещественной культуры, и прежде всего таких, как защита человека и восстановление его энергозатрат. Мебель, посуда, рекреативная техника, аксессуары, контейнеры и другие формы вещественных артефактов, являясь результатом глубинной трансформации природы, наполняют пространство микромира культуры человека, становятся не менее привычными компонентами повседневности, чем ландшафты, растения и животные, поверхностно модифицированные человеком и ставшие домашним макромиром его культуры. Ценностные модели, определяющие или просто участвующие в реализации утилитарных функций утвари, всегда играли самую существенную роль, начиная от оберегов прошлого и заканчивая социальными стратификаторами современного мира. Магические и мистические функции утвари сопровождали ее в эпоху традиционной культуры, эстетические и рекреационные обеспечивают ее эволюцию сегодня. Механизмы народной традиции, которые раньше являлись технологиями изготовления утвари, сегодня были заменены на законы моды и рынка.

Функция самозащиты. Эта функция связана с усилением и укреплением поверхности человеческого тела, она предполагает своеобразное мультиплицирование кожи и одновременно формирование приемлемой для человека среды существования. Речь прежде всего идет о костюме и жилище. Костюм, с одной стороны, является результатом глубинной трансформации внешнего мира, но значение его роли существенно превосходит все, что связано с посудой, мебелью и тому подобными вещами, то есть с утварью. Костюм всегда порождался сложными ценностными моделями, составляя целый текст сообщений о социальном статусе, религиозном окружении человека. В эпоху креативных культур он сохранил большинство из своих ценностных характеристик, за исключением, как правило, религиозных. Мода вывела костюм в число наиболее важных вещей, воплощающих ценностную модель потребления и основанный на ней социально-стратификационный статус. Именно костюм в силу своей ценностной семантики стал объектом пристального внимания структуралистов, показавших на его материале все разнообразие комбинаций смыслов, которые определяли специфику социального сознания в той или иной локальной культуре в ту или иную эпоху ее существования. Утилитарные

характеристики костюма только в креативных культурах стали выходить на первый план, хотя и не утрачивали когда-либо своего важнейшего значения.

Жилище выполняет не менее значимую функцию в системе артефактов, формирующих приемлемый микромир человека. Это одновременно и защитная оболочка человека, и среда его существования. Жилище существует на границе функционального разделения утвари и ландшафта, являясь одновременно и результатом поверхностной трансформации внешнего мира, ибо его производство связано с изменением пространства внешнего мира, и результатом глубинной трансформации, ибо жилище представляет собой фактически форму такой же вещи, как любая другая утварь. Нет ни одного аспекта строительства жилища, его внутреннего пространства и внешнего облика, которые не определялись бы одновременно и ценностными, и утилитарными моделями того или иного локально-исторического типа культуры. Про исторические формы конструирования жилища можно сказать так же, как и про костюм, ибо эволюция ценностных моделей этих артефактов приводит к тому, что сакральный их характер уступает место выражению потребительского статуса и социального престижа. Однако жилище в силу более обширного объема затрат на его производство в меньшей степени, чем костюм, отражает динамику моды, хотя и очень тесно связано с ней в эпоху креативных культур.

Наконец, функцию защиты человеческого тела выполняет оружие. Оно представляет собой результат поверхностной трансформации внешнего мира, но не является ни орудием труда, то есть инструментом каких-либо трансформаций, ни утварью, то есть инструментом наполнения микромира человеческого существования приемлемыми артефактами. Функция оружия — защита человека от себе подобных или от животных и нападение на них. В некоторых случаях такое нападение может выступать формой трудовой деятельности (речь идет об охоте). По-видимому, на первых этапах существования оружия оно выполняло функцию защиты и функцию трансформации так, что их невозможно было отличить. Магические и мистические религиозные ценностные модели преимущественно определяли производство и функционирование оружия на протяжении всей истории традиционной культуры, утилитарные модели играли не менее важную роль, но были вторичны; в эпоху креативных культур соотношение ролей изменилось: хотя ценност-

ные ориентации не перестали учитываться, они важны не столько для производства конкретного артефакта, сколько для создания системы оружия, военной политики, определяющей границы и способы его применения.

Функция восполнения энергозатрат и восстановления. Рационы питания призваны восполнить затраченные на осуществление действий, без которых человеческая жизнь невозможна, силы; лекарства призваны восстановить те или иные особенности качества этой жизни, если они временно были утеряны в результате болезни. История лекарств и рационов питания прошла путь от артефактов, являвшихся результатом поверхностной трансформации природы, до артефактов, возникших благодаря наиболее сложным и наукоемким глубинным трансформациям. Рационы питания всегда определялись многочисленными ценностными моделями, и только в эпоху креативных культур утилитаризм стал играть роль, сопоставимую с теми или иными ценностными ограничениями. Однако именно в сфере рационов питания, как ни в какой другой сфере вещественных артефактов, ценности и сегодня оказывают влияние настолько большое, что оно ощутимо даже для неспециалиста. Диетическое питание и вегетарианское — вполне конкурирующие формы современных ограничений для любого вида утилитарного отношения к пище или отношения к ней гурмана. Ни в одной другой сфере вещественных артефактов нет такой конкуренции среди утилитарных моделей, претендующих на нормативный характер, утверждающих, что содержание только одной из них позволяет человеку сохранить здоровье и долголетие, и тем самым выдающих преимущественно ценностный характер этого содержания.

Не менее интересно соотношение ценностных и утилитарных моделей в производстве и функционировании лекарств. В условиях традиционной культуры лекарства почти всегда демонстрируют подавляющее доминирование ценностных моделей собственного производства и использования над утилитаризмом. Можно считать невероятным успехом человечества переход от ценностной к утилитарной доказательной медицине, использующей лекарства исключительно благодаря тому, что они осуществляют терапевтическое биохимическое воздействие на тело человека. Однако до сих пор ценностные модели в этой сфере культуры не элиминированы и, по видимому, не будут исключены из нее никогда. К числу ценностных моделей лекарств в эпоху креативных культур можно отнести утверждение о преимуществе гомеопатического лечения над аллопатическим, осторожность в употреблении

лекарств химического происхождения, знаменитый эффект плацебо, и наконец, отказ от вообще какого-либо употребления лекарств, а также безразличия к тому, какой вред они могут принести. Лекарства являются частью других систем культуры, относящихся уже к антропному виду артефактов, таких как технологии формирования человеческого тела и сознания; но вместе с тем они остаются формой вещественной культуры и поэтому могут быть определены в ее категориях.

Итак, подводя итог обзору функциональных характеристик вещественной культуры, еще раз отмечу роль ценностных моделей в этой сфере и роль утилитарных моделей, их конкуренцию, приобретение преимущества тех или иных на этапе традиционной культуры и на этапе креативной культуры. Но вне зависимости от того, какая модель доминировала, всегда в истории культуры вещественные артефакты были основным результатом трансформации природы и формой практической конструктивной деятельности человека. Будучи частью сложных коммуникативных систем, вещественные артефакты обеспечивали как религиозные и социальные потребности человека в объединении с другими людьми и идентификации того или иного коллектива, так и потребности в приемлемом окружающем мире, защите от врагов, восстановлении тела после травм, восполнении затраченных на деятельность энергоресурсов. Очень часто именно по вещественным артефактам можно судить о том, идет ли речь о существовании культуры, или нет, нужно ограничиться констатацией какой-либо формы природной жизнедеятельности. Объем вещественных артефактов в общем объеме артефактов культуры занимает наибольшее место. Я имею в виду и количество, и качество этих артефактов (то есть их разнообразие). Это обстоятельство может быть расценено как доказательство того, что утилитарное конструирование является так называемой базовой потребностью человека, но это было бы неправильным, так как никогда утилитаризм в жизни человека не существовал отдельно от определяющих его вплоть до полной элиминации ценностных моделей. Понять характер вещественной культуры и семантику каждого типа ее артефактов можно только тогда, когда это обстоятельство учитывается в ходе соответствующей герменевтики. Необходимо выявлять и учитывать не только и не столько утилитарные технологии использования и создания артефактов, сколько роль и место этих технологий в ценностных моделях культуры той или иной эпохи в том или ином месте ее существования.

Литература

- Аристотель. (1983) Никомахова Этика. В кн.: А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди (ред.). *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4*. М.: Мысль, с. 53–294.
- Капп, Э., Кунов, Г., Нуаре, Л., Эспинас, А. (1925) *Роль орудия в развитии человека: Сборник статей*. Л.: Прибой, 192 с.
- Маркарян, Э. С. (2014) *Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи*. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 656 с.
- Флоренский, П. А. (1999) *Сочинения: в 4 т. Т. 3 (1)*. М.: Мысль, 621 с.
- Чайлд, Г. В. (2012) *Расцвет и падение древних цивилизаций*. М.: Центрполиграф, 384 с.

References

- Aristotle. (1983) Nikomakhova Etika [Nicomachean Ethics]. In: A. I. Dovatur, F. Kh. Kessidi (eds.). *Sobranie sochinenij [Collected works]: In 4 vols. Vol. 4*. Moscow: Mysl' Publ., pp. 53–294. (In Russian)
- Childe, G. V. (2012) *What happened in history*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 384 p. (In Russian)
- Florenskij, P. A. (1999) *Sochineniya [Works]: In 4 vols. Vol. 3 (1)*. Moscow: Mysl' Publ., 621 p. (In Russian)
- Капп, Э., Кунов, Г., Нуаре, Л., Эспинас, А. (1925) *Rol' orudiya v razvitii cheloveka: Sbornik statej [The role of tools in human development: Collection of articles]*. Leningrad: Priboj Publ., 192 p. (In Russian)
- Markaryan, E. S. (2014) *Izbrannoe. Nauka o kul'ture i imperativy epokhi [Selected works. The science of culture and imperatives of the era]*. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 656 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Илья Игоревич Докучаев, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Ilya I. Dokuchaev, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia